

Когда-то Ли У верил, что проживёт с первым мужем всю жизнь.

Однако Сюй Яньли бросил его — жестоко, бездушно, не удосужившись дать хотя бы подобие внятного объяснения. В те дни Ли У изводил себя мыслями, будто сам во всём виноват: где-то оступился, надоел, стал обузой.

А вот Шан Шисю оказался извращенцем до мозга костей.

До свадьбы он ещё умел притворяться: водил на романтические прогулки под луной, шептал ласковые слова и, уткнувшись головой Ли У в колени, кокетливо канючил:

— У-у, я ведь твой маленький Шарк...

После свадьбы же с него мгновенно слетела овечья шкура, явив миру ненасытного хищника.

Шан Шисю велел ему сидеть дома и отдыхать, но постоянно заставлял наряжаться в откровенные полупрозрачные наряды горничной. В этом полуголом виде Ли У приходилось босиком ходить по мягким коврам, дожидаясь мужа с работы.

Подол едва прикрывал бедра, а глубокий вырез при малейшем движении обнажал грудь и плечи.

Муж принуждал его к стыдным ролевым играм и даже полушутя-полувсерьёз требовал «родить ему ребёнка».

Ли У чувствовал себя живой куклой, которой потакают в любых прихотях, и от этого бессилия у него щемило сердце.

Каждый раз после душа Шан Шисю с безумным видом уставлялся на слив и загробным голосом причитал, что Ли У только что «смыл их первенца». Ли У до посинения твердил, что он мужчина и рожать физически не способен, но всё было впустую.

Впрочем, когда в постели его доводили до грани, до полубессознательного состояния, он и сам в бреду начинал молить о пощаде, задыхаясь и обещая родить мужу кого угодно.

Даже когда Ли У выматывался настолько, что не мог шевельнуть и пальцем, Шан Шисю не останавливался.

Разнузданность этого человека переходила все границы. Подперев голову рукой и щурясь от удовольствия, он хрипло шептал над ухом:

— Малыш, ты такой сексуальный... Можно тебя поцеловать?

А следом сыпались бесконечные «можно я лизну здесь?», «а можно оставить засос?», выбивая последние силы.

Выведенный из себя Ли У в конце концов просто зажмурился и обречённо выдавливал:

— Делай что хочешь.

Услышав это, Шан Шисю расцветал и с удвоенным азартом принимался терзать его тело, оставляя за собой пылающие следы ласк.

Клан Шан поднялся на энергетическом секторе. В годы расцвета семья контролировала треть всех минеральных ресурсов, энергосетей и генерирующих мощностей Федерации. Позже они запустили щупальца в финансово-инвестиционную сферу: их банки и инвестиционные фонды раскинулись по всему обитаемому космосу, мёртвой хваткой сжав экономическое горло государства.

Чтобы не допустить абсолютной монополии, правительство Федерации в своё время жестко перекрыло клану доступ к высокотехнологичным разработкам и инновациям, одновременно давая зеленый свет конкурирующим корпорациям.

Но даже так Шан оставались гигантом, от любого шага которого содрогалась вся Федерация.

Вот только внутри самой семьи царил беспросветный хаос.

Мужчины клана не отличались верностью, и лишь среди ровесников Шан Шисю насчитывалось не менее пяти непризнанных внебрачных детей.

Раньше, уладив очередные домашние разборки, Шан Шисю первым делом уткнулся лицом Ли У в грудь.

Все эти «семейные дела» на деле являли собой грязную грызню на советах директоров, упрямый делёж ресурсов между фракциями, козни незаконнорожденных отпрысков и лицемерные наставления старейшин, за которыми скрывалось банальное давление.

Шан Шисю приходилось с улыбкой выслушивать ядовитые шпильки дядьев о своей «неопытности», отбиваться от попыток новоявленных «братьев» отжать доходные проекты и терпеть шантаж дальних родственников, прикрывавшихся репутацией клана.

Улыбки на людях, лезвия под полами пиджаков.

Доли от энергодобычи, контрольные пакеты в банках, решающие голоса в новых стартапах — бесконечная война за власть и деньги. Ему требовалось удерживать позицию и наносить ответные удары.

И лишь укрывшись в объятиях Ли У, он ощущал, как тишина наконец накрывает с головой.

— Идиоты... — уткнувшись в него, шептал Шан Шисю с закрытыми глазами. — Думают, разносят фамилию Шан, я стесняюсь пустить их в расход.

По своей натуре Шан Шисю был настоящим «хищником в бархатных перчатках». С чужаками он держался до того обходительно и ловко, что те моментально теряли бдительность и начинали ему доверять.

Ли У так и не научился читать его до конца. Где правда, где ложь, где расчет — не разобрать.

За лоском и обаянием скрывалась изощрённая, опасная натура. У него не было чистых помыслов, а поступки не подчинялись логике обычных людей.

Но рядом с Ли У этот хладнокровный манипулятор превращался в спустившуюся с цепи собаку — без тормозов, охваченную безумной страстью, сбросившую все маски.

В те времена, когда Ли У ещё жил с ним, Шан Шисю считался официальным главой клана, однако настоящим серым кардиналом оставалась его мать.

Госпожа Шан отличалась железной хваткой: распределение доходов, союзы с другими влиятельными семьями, внутренние интриги — всё подчинялось её воле.

Ли У она не взлюбила с первого взгляда. Пожалуй, хотя бы потому, что он спутал все карты в её идеальном плане династического брака для сына.

Шан Шисю покрывал поцелуями ладони Ли У и твердил, что тому не о чем беспокоиться, лишь бы улыбался.

Но Ли У панически боялся госпожи Шан — до того, что едва смел поднять на неё глаза.

Сама история их знакомства больше походила на нелепый фарс.

Ли У несколько раз пересекался с Шан Шисю ещё тогда, когда был с Сюй Яньли. Но тот с первого дня смотрел на него с такой неприкрытой похотью и собственническим азартом, что Ли У сразу понял: этот человек опасен.

Как-то раз Сюй Яньли взял его на благотворительный приём под открытым небом. Заметив, что юноше скучно среди светских разговоров, Сюй Яньли мягко предложил ему прогуляться по саду.

Ли У неторопливо брёл по подсвеченной фонарями аллее, когда перед ним ниоткуда возник Шан Шисю.

— Господин Ли, не скучаете в одиночестве? — с улыбкой заговорил он.

— Вовсе нет, — вежливо и прохладно отозвался Ли У.

В своем безупречно скроенном костюме юноша казался трогательно-невинным. Он любопытно оглядывался по сторонам, склонив голову; кончик розового языка неосознанно касался края бокала, а во влажном взгляде таилась лёгкая дымка. Когда он поворачивал голову, открывалась изящная линия белой шеи.

Он был похож на беззащитного зверька, случайно забредавшего на шумный бал.

Хищник вроде Шан Шисю мгновенно выбрал жертву.

Улыбнувшись, он сделал шаг вперёд, ловко крутанул кистью — и в распахнутой ладони волшебным образом материализовалась алая роза. На её бархатных лепестках переливались капли воды, будто её только что сорвали в утреннем саду.

— Прекрасные цветы — для прекрасных людей. Господин Ли, раз уж судьба свела нас сегодня, примите этот скромный подарок.

Ли У на миг опешил, а потом удивлённо похлопал в ладоши, заворожённо глядя на фокус.

Шан Шисю протянул ему розу, и юноша принял её.

Но не успел тот произнести и слова, как рядом появился Сюй Яньли. Он властно и защищающе обнял Ли У за талию и сдержанно кивнул:

— Господин Шан, вынужден откланяться. Мы с супругом уходим.

Шан Шисю прищурился, глядя на то, как крепко чужая рука сжимает эту тонкую талию, и на то, с каким обожанием Ли У смотрит на своего мужа.

Красивая игрушка. А кто бы не хотел такую себе?

Когда Сюй Яньли вычеркнул его из своей жизни, растерянный Ли У остался один на один со своей болью. Не зная, куда деться, он отправился в один из элитных баров, о котором раньше слышал от знакомых.

Сюй Яньли всегда запрещал ему посещать подобные заведения.

Ли У лишь помнил, что цены там кусались, зато напитки хвалили.

Именно там они встретились снова.

Ли У, не находивший себе места от тоски, заливал горе алкоголем, совершенно не понимая, как жить дальше.

В полумраке заведения Шан Шисю в чёрной шелковой рубашке бесшумно опустился на соседний стул. В приглушённом свете его благородные черты казались ещё более привлекательными, а голос прозвучал бархатно и мягко:

— Что случилось? Почему пьёшь в одиночестве?

Ли У, выросший в парниковых условиях под опекой бывшего мужа, был слишком наивен. Красивая внешность и обходительные манеры мгновенно усыпили его бдительность, и он выложил душу абсолютно чужому человеку.

Он наклюкался до такой степени, что даже не заметил, как выронил карту от номера. Чужое присутствие накрыло его волной: Ли У в полусне лежал на кровати, чувствуя, как чья-то рука скользит по его бедру.

В пьяном бреду решив, что это вернулся Сюй Яньли, он привычно и покорно подался навстречу и натянул одеяло им на головы.

Но стоило Шан Шисю прикоснуться к нему, как ситуация моментально вырвалась из-под контроля.

В ту ночь Ли У срывал голос от стонов, теряя сознание от нахлынувших чувств. Он уже не понимал, где находится и что происходит.

Реальность растворилась: перед глазами вспыхивали салюты, а пот градом капал на горячую кожу мужчины под ним.

Разве мог неизощрённый Ли У выдержать подобный натиск?

Но мужчина так страстно шептал «малыш», что в сознании Ли У промелькнула смутная мысль: Сюй Яньли никогда его так не называл. Впрочем, обдумать это он не успел — разум окончательно поглотил хаос.

На следующее утро Ли У проснулся рано. Он лежал на краю кровати, прикрыв пальцами глаза от слепящего солнца, и ошеломлённо смотрел на яркий свет, заливавший комнату.

Вдруг к окну подошёл мужчина в белом махровом халате и заботливо задернул штору. Шан Шисю опустился на край матраса, без очков, со влажными волосами, спадавшими на лоб, и полураспахнутым халатом, открывавшим крепкую грудь.

Заметив, что юноша открыл глаза, он ничуть не смутился. Лишь наклонился, поцеловал его в лоб и тихо спросил:

— Малыш, ещё болит?

Ли У с трудом соображал. Мужчина перед ним был дьявольски хорош собой и безупречно владел искусством соблазнения.

Но это был не Сюй Яньли.

От шока Ли У замер, не в силах вымолвить ни слова, лишь смотрел на него широко раскрытыми глазами.

После той ночи Шан Шисю уже не отходил от него ни на шаг. Он то и дело поддевал юношу воспоминаниями об их близости, заставляя Ли У краснеть до кончиков ушей.

А когда Шан Шисю хотел быть заботливым, он превращался в абсолютное воплощение нежности. Забота, внимание, подарки — казалось, преданнее человека нет на всём свете.

Со временем Ли У сдался, поверил в его искренность и согласился выйти за него замуж.

Только после свадьбы выяснилось, насколько далёк Шан Шисю от идеала. Он оказался патологически ревнив и подозрителен. Любая мелочь доводила его до безумия: мужу постоянно казалось, будто Ли У выскочил за него просто от безысходности, что ему всё равно, с кем спать, и сам Шан Шисю как личность его совершенно не волнует.

Вдобавок он настоял на том, чтобы Ли У бросил работу — мол, денег хватит на всю жизнь, незачем переутомляться.

Ли У горько пожалел о своём решении, но было поздно.

Брак — не игрушка, так просто его не расторгнешь.

Натиск безудержной страсти и нездоровой привязанности мужа выбивал Ли У из колеи. Он отдавал всего себя, покорно исполнял любые капризы, но Шан Шисю всё было мало.

Имя «Сюй Яньли» надолго стало табу в их доме.

Ли У казалось, что приручить этого бешеного пса не удастся никогда.

Лишённый работы и запертый в четырех стенах, он жил лишь ради удовлетворения чужих желаний, с ужасом ожидая дня, когда окончательно превратится в деградировавшую куклу.

Спустя годы, снова встретившись с ним, Ли У узнал, что Шан Шисю тогда его не предавал. На душе стало чуточку легче.

Шан Шисю не отличался тонким умом, зато рыдать умел мастерски. В своё время он с трудом избавился от Сюй Яньли, а теперь на горизонте образовалось сразу трое новых соперников.

Ли У однажды предупредил его: если тот посмеет прийти к нему, он исчезнет навсегда. Поэтому Шан Шисю долго не решался его искать.

Кто же мог подумать, что их встреча произойдёт при столь абсурдных обстоятельствах?

И когда Ли У заявил, что им пора расстаться окончательно, Шан Шисю устроил настоящую истерику. Он мёртвой хваткой вцепился в него и рыдал в голос:

— Я же вазэктомию сделал!.. Даже мамины мечты о внуках мне побоку!

Ли У помолчал и тихо заметил:

—... Всё можно восстановить.

Шан Шисю с заплаканными глазами прорычал:

— Скажешь ещё слово — и я вообще себе всё отрежу!

Ли У: «...»